

ИЕРАРХИЯ И ВЛАСТЬ В ГОРНОЙ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЩИНЕ

(XIX–XX вв.)

Владимир БОБРОВНИКОВ

Институт востоковедения РАН

В этнографической литературе, посвященной Нагорному Дагестану, укоренилось представление о том, что местные общества издавна являлись эгалитарными. В отличие от феодальных образований равнинного Дагестана (владений Тарковских/Казикумухских шамхалов, Аварских нуцалов, Кайтагских уцмиев, Табасаранских майсумов и кади и проч.) сельские общины-*джамааты* (от араб. *джама'а*) горцев рисовались ученым XIX в. начиная с С.М. Броневского как патриархальные “демократические республики” средневековья.

Исследования последних лет показали, что этот тезис нуждается в существенном уточнении. В позднесредневековое время и при русском дореволюционном управлении община здесь скорее представляла собой сложный иерархический институт¹. Вероятно, эту особенность она сохранила и после советских реформ 20–60-х годов XX в., в первую очередь, после коллективизации. В советское время в институтах власти произошли значительные, до сих пор не исследовавшиеся перемены.

Немало интересных полевых и архивных материалов, проливающих свет на эту проблему, накопилось у меня в 1992–1999 гг. во время полевой работы в селах Цумадинского района республики*. Основная их часть относится к селению Хушта-

* Данное исследование было проведено при финансовой поддержке *Международного научного фонда* и *Фонда Веннер-Грен*. За большую помощь в сборе материалов по древней и современной истории горного дагестанского джамаата я хочу выразить большую благодарность моим главным информаторам А.А. Закарьяеву, М.-С. Газиеву,

да (авар. *Хуштада*, багв. *ГьунссачI*), где существовала типичная для Нагорного Дагестана сельская община. Удалось собрать арабские записи местных адатов XX в., районную статистику ЦСУ и отчеты хуштадинского колхоза, записать микротопонимику аула, а также опросить большинство его жителей. На примере Хуштада можно проследить колхозную трансформацию общинной организации и властных институтов мусульманской деревни за 70 лет советской власти в Нагорном Дагестане.

Селение, о котором пойдет речь в этой статье, лежит на высоте примерно 1800 м над уровнем моря на правом берегу Андийского Койсу, в его верхнем течении, в 12 км от райцентра Цумадинского района с.Агвали. До конца XVIII в. это была главная из шести сельских общин *багулал* (или *багвалинцев*) – небольшого андийского народа аваро-андо-цезской языковой группы. В первой половине XIX в. Хуштада вошла в Хиндалальское наибство имамата Шамиля, после его пленения в 1859 г. – в Андийский округ Дагестанской области, наконец, в 1929 г. – в Цумадинский район Дагестанской АССР (ныне: Республика Дагестан).

* * *

Андийский округ был самым многонациональным в Дагестане. Согласно переписи 1926 г., здесь жили аварцы и 10 небольших андо-цезских народов, каждый из которых населял одно или несколько селений. Общая численность жителей округа была невелика и составляла 40,1 тыс. человек². Несмотря на различия в языке и культурных традициях, андо-цезские народности и аварцы обладали общей этносоциальной, экономической и религиозной организацией, сходными институтами власти. Вплоть до 1927 г. местное горское общество состояло из однотипных полуавтономных сельских общин-*джамаатов*.

М. Абакарову, М. Абдулаеву, М. Гамзатову, А. Шахрудинову, А. Мусалову, И. Ханарову (Хуштада); М.-Р. Гагиеву, М.М. Евсюковой С.-Г. Пирмагомедову (райцентр Агвали); М.-С. Абакарову, М. и М. Асхабовым (Хасавюрт); М.О. Алиеву, К.-М. Халикову и Б. Ханмагомедову (Махачкала).

Судя по хуштадинским материалам, каждая из них отличалась значительной социальной, религиозной и этнической однородностью. Посемейные списки 1886 г. свидетельствуют, что все 739 жителей с.Хуштада (201 семья) были свободными общинниками (*узденями*). Как и подавляющее большинство коренных дагестанцев, они принадлежали к шафиитскому религиозно-правовому толку суннитского ислама. В селе не было ни одного инородца. Похожую ситуацию рисует перепись 1926 г. Тогда из 813 жителей только 1 человек не был уроженцем хуштадинского джамаата³.

Однако полного равенства среди багулал никогда не было. В Хуштада до сих пор выделяются семьи потомков ассимилированных грузинских рабов (авар., багвал. мн. *хъузхъул*, ед. ч. *хъазахъ*), плененных в продолжавшихся до начала XIX набегам хуштадинцев на Алазанскую долину. Списки 1886 г. называют 12 таких семей. Сегодня сохранилось 6 из них⁴. Выше бывших рабов, но ниже полноправных общинников стояли свободные переселенцы из других дагестанских селений. Потомков “чужаков”-*анарагов* (авар., багвал. мн. *анарагзаби*, ед. ч. *анараг*) в 1926 г. здесь было немного, всего 10 семей. Их фамилии указывают на происхождение. В основном это выходцы из соседнего тиндинского хутора Аща⁵.

Важно отметить, что в отличие от многих других дагестанских сел в Хуштада рабы и свободные переселенцы не образовывали отдельных родов (*тухум*). Первые входили в роды своих бывших хозяев, вторые – в тухумы приютивших их хуштадинцев. К началу XX в. и те и другие уже влились в джамаат селения, однако не пользовались всей полнотой прав его членов⁶. Так, их потомки получили дома и поля на землях общины, их хоронили на хуштадинских кладбищах. Находящиеся ниже селения угодыя, в XVIII–XIX вв. выделенные во владение освобожденным рабам, до сих пор называются *Хъазахъ бела* (багвал. “Склон раба”). Однако выходцы из рабов и переселенцев не могли быть свидетелями в суде, должностными лицами джамаата и совладельцами общинных пастбищ.

Равенства не было и среди полноправных узденей, составлявших большинство населения Хуштада. Их тухумная организация представляла собой сложную иерархию. Среди них выделялись три большие квази-родственные группы, из объединения которых некогда сложился хуштадинский джамаат. Местные предания относят это событие к XIV–XV вв.⁷ Такие патрилинейные объединения у багулал назывались *гай* (*гъай*). Каждое из них делилось на тухумы (багвал. *суцлер*) – т.е. *линиджи*, объединяющие по несколько малых семей (араб., багвал. *авал*), связанных друг с другом родством, куначеством или патронажем. Каждая такая семья включала родителей и их детей, еще не обзаведшихся семьей.

Родственные группы-гай и входящие в них тухумы различались по степени знатности (багвал. *гъен*). Самым знатным и многочисленным в Хуштада был *Инсси-гъай* (багвал. “род у родника”). К нему принадлежали 18 тухумов, объединявшие почти две трети всех хуштадинцев. Наиболее родовитыми из них считались тухумы Салманари и Юсупари, первые из багулал принявшие ислам в конце XV в.⁸

Шамхал-гъай (багвал. “род Шамхала”), ведущий свое происхождение от казикумухских шамхалов, по родовитости соперничал с *Инсси-гъай*⁹. В него входили 11 тухумов, Самый знатный из них также носил имя Шамхала. Ряд хуштадинских преданий называет его главу Гентера основателем селения.

Наиболее хутородными среди коренных хуштадинцев считались 16 тухумов *Эли-гъай* (багвал. “Род в верховьях”).

Вплоть до конца 20-х годов XX в. у каждого *гай* были свои родовые кладбища. В самом могущественном из них – *Инсси-гъай*, – как правило соблюдался принцип внутритухумной эндогамии. Две другие тухумные группировки порой шли на смешанные браки, но только в пределах хуштадинского джамаата¹⁰. В застройке аула, как и в большинстве других горных дагестанских сел, до середины XX в. сохранялось утраченное ныне деление на однотухумные кварталы. *Инсси-гъай* занимал всю нижнюю западную часть селения. Дома *Шамхал-гъай* располагались в его

верхней юго-восточной части. Эли-гъай принадлежала верхняя северо-восточная часть аула.

Центром общественной жизни в Хуштада традиционно был *годекан* (багвал. *корт*) – сохранившаяся до наших дней небольшая площадь на территории Инсигъай. Здесь находится соборная мечеть, одно из древнейших зданий села. Согласно арабской строительной надписи, второй по древности в Цумадинском районе, она “была построена ...в правление падишаха Ибрагима, в тысяча девятом году от хиджры...”(1600/1601 г.)¹¹. На годекане регулярно собирался общий сход хуштадинского джамаата.

Покорив багулал и других горцев Западного Дагестана к 1860 г., российские военные власти учредили в каждом джамаате должность сельского старшины (авар., багвал. *бегавул*). Он должен был служить посредником между горцами и российским начальством. Первоначально старшину выбирали сами горцы. После подавления общедагестанского восстания 1877 г. бегавул стал назначаться окружным начальником из Ботлиха из числа наиболее влиятельных хуштадинцев. Суд по хуштадинскому адату в уголовных делах и по шариату – в гражданско-семейных творил совет старейшин села (араб., авар., багвал. *диван*). Самые важные дела выносились на суд народного собрания (авар., багвал. *руккел*). До русского завоевания на нем присутствовали все совершеннолетние (т.е. старше 14 лет) мужчины села, с 1868 г. – по одному представителю от каждого *дыма* (багвал. *авал*).

По своему типу выборная администрация джамаата была чисто светской. Местные мусульманские лидеры – имам (*дибир*), одновременно выполнявший обязанности судьи по шариату (араб. *кади*), а также *шейхи* появившихся здесь в XVII–XIX вв. суфийских тарикатов Накшбандия и Кадирия¹² – занимали в ней подчиненное положение. На правах старейшин джамаата они входили в сельский *диван*. Слабость мусульманской верхушки джамаата вплоть до 20-х годов XX в. во многом объясняется поздней исламизацией горцев. Как известно, принятие ислама багулалами началось с конца XV в. и завершилось только при Шамиле. Поэтому власть в

Хуштада оставалась у наиболее сильных и знатных местных родов. Большинство бегавулов XIX–XX вв. происходили из тухумов Салманари, Юсупари (Инсси-гъай) и Шамхал (Шамхал-гъай)¹³.

Полицейский аппарат в Хуштада ограничивался несколькими судебными исполнителями-элиби (багвал. *гелиби*). Джамаат добивался выполнения своих постановлений в основном силой общественного мнения села. Наказания нарушителей закона сводились к тюремному заключению до трех суток в сельской тюрьме¹⁴ и к штрафам, взимаемым натурой (мерой-кайл = ок. 5 кг зерна), чаще – деньгами. Это были по-прежнему ходившие в Нагорном Дагестане турецкие серебряные *пиастры* (*куруш*), приравненные к русским дореволюционным рублям, и иранские *шахи* из расчета 1 шахий = 5 копейкам. В отличие от шариата дагестанский адат не применял смертной казни и членовредительства за уголовные преступления.

Важно отметить устойчивость общественной организации горной общины, способной приспособиться к самым различным формам государственного контроля. Недаром джамаат смог пережить набов Шамиля, российских чиновников, “белых” и “красных” командиров времен Гражданской войны и ужиться с ранней советской бюрократией.

С одной стороны горцы долго сохраняли автономию благодаря удаленности и труднодоступности своих селений. Ведь, до 30-х годов XX в. багулалы и другие андо-цезские народы не имели регулярных связей даже с равнинным Дагестаном. До 1929 г. ближайшее к Хуштада районное начальство находилось в 23,5 км, в с.Карата, а окружное начальство Андийского округа – в 42,7 км. – в с. Ботлих. Первое шоссе, связавшее села багулал через Ботлих с Махачкалой, было проложено только в 1924 г.¹⁵. Пассажирское и почтовое сообщение по этой трассе открылось в 1928 г., но до середины 40-х годов зимой оно фактически прерывалось. Первое радио на годекане с.Хуштада появилось лишь в 1941 г., электричество – в 1954 г. До 1968 г. в селении не было телевидения. В начале 60-х годов только 15% дворов

колхозников Цумадинского района было радиофицировано. Половина местных жителей не получала тогда ни газет, ни журналов¹⁶.

С другой стороны, джамаат черпал устойчивость в дуализме коллективного и частного начал, пронизывающем все сферы жизни хуштадинцев¹⁷. Наиболее наглядно этот принцип просматривается в традиционной структуре местного крестьянского землевладения. Вся территория Хуштада, как и в соседних джамаатах, делилась на частные (*мульки*, от араб. *мулк*), общинные (араб. *харим*) и мечетные (араб. *вакф*) владения. Субъектом собственности издревле считались либо семьи местных узденей, либо сама община-джамаат, унаследовавшая при образовании села коллективные права собственности своих трех тухумных групп-гай.

Пашни и сады (багвал. *мигъ*) на террасах, уступами спускавшихся от села к реке, были поделены на семейные *мульки* хуштадинцев. В той же частно-семейной собственности находились и сенокосы на подпиравших террасы стенках, а также лес на вершине горы над Хуштада. Мульки покупались и продавались, передавались по наследству. Но в отличие от современной частной собственности они могли принадлежать только членам джамаата. Система каналов (багвал. *гьелгьел багул*), принадлежавших общине и регулярно очищавшихся усилиями всех хуштадинцев, позволяла выращивать на частных пашнях и в садах хорошие урожаи.

Неделимым *харимом* всего селения считались выгоны, пастбища и часть сенокосов. Каждый член джамаата имел свою долю в харимных угодьях. Но реально до революции ими пользовались в основном богатые скотоводы села. Причем если пастбищная доля общинника возрастала при большом числе голов его стада, то общественные сенокосы использовались всеми поровну.

На нужды двух хуштадинских мечетей, плату *муэдзинам* (багвал. *будунари*), сельскому имаму-дибиру и судье-кади были выделены наиболее плодородные участки террасных полей, переданные в *вакф*. Особенностью этой формы собственности было сочетание в ней черт *мулька* и *харима*. Вакфные земли продолжали наследоваться, продаваться и покупаться, но с условием обязательной передачи части

доходов с них в мечеть. Основная часть полученных таким образом средств вместе с обязательной милостыней (араб. *закат*) как общинное имущество подлежали раздаче беднякам.

* * *

Такой порядок хозяйственно-социальной жизни общины свободно действовал в горах *de jure* до революции 1917 г., а *de facto* до начала советских аграрных преобразований конца 20–30-х годов. В начале коллективизации Советская власть попыталась обезглавить горные джамааты. Ломка традиционного общества и хозяйства горцев была осуществлена в 1927–1955 гг.

В первую очередь были полностью изменены институты местной власти. Еще в 1927 г. были запрещены сельские и окружные советы старейшин, прежде легально действовавшие под именем “*шариатских судов*”; в пользу государства начали конфисковываться вакфы мечетей. В 1929–1935 гг. все дагестанские округа были разделены на более мелкие районы. В райцентрах и горных селениях были избраны новые органы власти – *районные* и *сельские советы*. По новому административному делению райцентр приблизился к Хуштада более, чем в два раза.

Большинство руководителей прежней светской администрации джамаатов было расстреляно либо выслано с семьями за пределы Дагестана по обвинению в “контрреволюционной деятельности” и “антисоветской пропаганде”. Та же участь постигла многих сельских кади и имамов-дибиров. В 30–40-е годы в Хуштада погибло около 60 человек, в том числе 35 – в 1928–1939 гг. Сильнее всего хуштадинцев потрясла гибель в 1930 г. в Махачкалинской тюрьме НКВД их дибира и известного шейха накшбандийского тариката Хусейна Пирмагомедова¹⁸.

Вторым ударом по джамаату было создание в первой половине 30-х годов ТОЗов и колхозов на бывших харимных землях. Так в 1934 г. в Хуштада возник ТОЗ “*Заря Востока*”. В 1936 г. он был преобразован в колхоз “*им. Молотова*”, а в 1955 г. переименован в колхоз “*им. Чапаева*”¹⁹. Сплошная коллективизация, форсированно проведенная в горах за несколько месяцев 1939 г., покончила с частносе-

мейными мульками, насильно обобществив все террасные поля и скот хуштадинцев.

При коллективизации горных сел политика кнута искусно сочеталась с политикой пряника. Советская власть попыталась подкупить вечно страдавших от малоземелья горцев, передав им плодородные земли на равнине из числа бывших казенных и помещичьих имений. Кроме того, ставка делалась на передачу управления селами сельской бедноте и потомкам рабов, возвысившимся в горском обществе в ущерб правам прежней деревенской верхушки. Из худородных тухумов Эли-гъай вышли первые руководители колхоза и сельсовета Хуштада – Абдула Магомедов и Магомед Вечедов²⁰.

Щедрая раздача горцам сельскохозяйственных угодий на равнине в 30–50-е годы поддерживала среди них определенную популярность колхозного строительства. По свидетельству хуштадинских стариков, в 1936 г. люди плясали от радости, узнав о передаче их колхозу 1384 га земель в Хасавюртовском районе. В 1944 г. колхоз им. Чапаева получил еще 553 га на равнине в Бабаюртовском районе. В 50–60-е годы, привлеченная хорошими заработками, туда регулярно стала выезжать на сезонные сельские работы хуштадинская молодежь.

Показательно, что среди первых поселенцев преобладали семьи *апарагов*, в частности выходцы из с. Хварши, обосновавшиеся в Хуштада в 1957 г., после возвращения с земель депортированных чеченцев. В Хуштада их так и не признали полноправными членами общины и всячески притесняли. Это заставило их покинуть горы и основать дочернюю общину хуштадинского колхоза на равнине. Постепенно семьи горцев образовали под Хасавюртом сезонный хутор (*кутан*), а затем постоянный поселок с характерным для переселенческого аула названием *Новая Хуштада*. В 50-е годы несколько семей хуштадинцев переселилось на кутан Шава в Бабаюртовском районе. Кроме них там обосновались жители других селений Цумадинского района²¹.

Одновременно с административной и хозяйственной ломкой джамаата в Дагестане началась этнокультурная перестройка горского общества. Эта политика получила название *национальной консолидации*. Она означала слияние малых горских народностей с более крупными родственными им этносами. Багулалы и остальные андо-цезские народы были присоединены к аварцам. С 1928 г. сельская школа, колхозное делопроизводство и районная пресса переводились на аварский язык. Для этого была разработана новая письменность на латинской основе, в 1938 г. переведенная на кириллицу. Русский и аварский заменили арабский в качестве официального языка местных горцев.

Всесте с тем арабомусульманская культура малых дагестанских народностей была объявлена вне закона. Ее архитектурные и письменные памятники XVII–XX вв. безжалостно уничтожались. Преподавание арабского языка приравнялось к уголовному преступлению. Медресе, имевшиеся почти в каждом горном селении, были закрыты уже в начале 30-х годов. Тогда же были разгромлены почти все сельские мечети. Дольше других работала соборная мечеть Хуштада. Но и она была закрыта в разгар коллективизации. Большая часть рукописей из мечетного архива по истории и культуре багулал погибла в 1930 г.²². В 1937–1946 в Цумадинском районе не осталось ни одной действующей мечети. С 1946 по 1991 г. в районе была открыта только одна Хуштадинская соборная мечеть.

* * *

Используя репрессивные меры, советская власть так и не смогла уничтожить горного джамаата. Он выжил, но вынужден был адаптироваться к новым колхозно-советским нормам жизни. Эта адаптация, вызвавшая сильное изменение внутренней организации и институтов власти в Нагорном Дагестане, в основном совершилась в 1956–1991 гг.

Главным итогом этого периода было слияние *джамаата* и *колхоза*. Последний постепенно вобрал в себя основные институты и функции первого. Общее собрание колхозников выполняло те же задачи, что прежде *руккел*. Оно руководило

всей общественной жизнью села, следило за соблюдением правил землепользования, урегулировало имущественные и семейные споры между жителями села. При колхозах сельский сход стал собирать не только глав семей, но все мужское население аула старше 14 лет, как это было до русского завоевания. Местом сходов хуштадинцев по-прежнему служит *годекан*. В 70–80-е годы он переместился на окраину села, к сельсовету, сельмагу и кладбищу *Хъармала*, где похоронены почитаемые святыми три накшбандийских и один кадиритский шейхи²³.

Хозяйственные обязанности *бегавула* разделили между собой председатели колхоза и сельсовета с.Хуштада. *Элиби* уже в качестве колхозных исполнителей продолжали объявлять о решениях сельского начальства и схода, штрафовать хуштадинцев за их невыполнение, охранять границы хуштадинского колхоза. За свою работу им положено было по 10 трудодней в месяц каждому²⁴. Функции сельского *дивана* и отчасти исполнительную власть *бегавула* сосредоточил в своих руках *дибир*. Этот выборный глава мусульманской общины села в обход советских законов по-прежнему судил и консультировал своих односельчан по обычному праву и шариату.

В колхозной общине изначально возникло до поры до времени скрытое двоевластие. Непопулярному колхозно-советскому начальству здесь противостояла хотя и объявленная вне закона, но пользующаяся большим авторитетом у хуштадинцев власть *дибира*. Последний занял место старой светской элиты *джамаата*, погибшей в ходе коллективизации. При этом право на власть им давала уже не знатность (*гьен*), а поддержка всего *джамаата*.

Из хуштадинских *дибиров* советского времени, реально управлявших *джамаатом*, следует назвать умершего в 1972 г. *Сейфуллу* и сменившего его на этом посту *Шарапудина* (умер в 1995 г.). В отличие от прежних *бегавулов* и *шейхов* с.Хуштада их почитали не за знатное происхождение или ученость, а за умение отстаивать интересы общины перед районными властями. Заслугой *Шарапудина* является сохранение единственной в Цумадинском районе действующей мечети в 1946–

1991 г. Усилиями этих и других сельских имамов Хуштада стала религиозным центром района²⁵. К могилам (араб. *зийарат*) ее шейхов до сих пор не прекращается паломничество жителей окрестных багулальских и тиндальских сел.

Во многом такая метаморфоза сельской власти явилась следствием отмирания тухумной организации в Хуштада и большинстве других горных дагестанских селений. В колхозе тухумная знать потеряла все свои привилегии и быстро ослабла. Уже в 60–70-е годы род Инсси-гъай смешался с двумя другими тухумными группировками. В селе не осталось однородных кварталов и кладбищ. Тухумы-*суцлер* распались на отдельные малые семьи (*авал*). Имена родовых групп-*гай* для современной молодежи превратились в названия кварталов аула²⁶. Причем практика эндогамии, перенесенная с тухума на весь джамаат, дополнительно укрепила единство и солидарность хуштадинцев.

Определенную роль в переходе власти к сельским мусульманским лидерам сыграло отмирание традиционного аппарата принуждения джамаата в колхозе: старинные единицы штрафов были вскоре забыты; бывшая сельская тюрьма стала хлевом для скота. По этой причине возглавившие общину имамы должны были опираться исключительно на общественное мнение села. Решения дибира, одобренные сельским сходом, получили у хуштадинцев силу религиозных запретов и разрешений (араб. *харам* и *халал*). Опросы горцев, проведенные в 90-е годы, показывают, что народное сознание перестало различать адат от шариата. Хуштадинцы видят в них единый религиозный закон, черпающий силу в заветах предков²⁷.

Кроме того, джамаат и его мусульманские лидеры усилились благодаря увеличению в колхозах доли коллективной собственности за счет сокращения частных владений. Лишь малую часть *мульков* удалось уберечь от обобществления в 1939 г., объявив их приусадебными участками. В Хуштада было сохранено не более трети прежних *мульков* на террасах. Члены хуштадинского колхоза продолжали тайно наследовать, покупать и передавать друг другу участки *мигъ*, а также свои дома, относившиеся прежде к семейным *мулькам*²⁸.

Вместе с тем, благодаря коллективизации гигантски разрослись унаследовавшие все признаки джамаатного *харима* колхозные владения. Часть *мульков* при советской власти потеряла бывших хозяев. Две трети террасных полей и садов в 60–80-е годы превратились в общинные пастбища и сенокосы. Еще в 1929 г. были полностью обобществлены большие массивы горных лесов джамаата, включенные в лесхоз Цумадинского района. Нельзя забывать и о 1937 га пастбищ, сенокосов и полей на равнине, переданных в 1936–1944 гг. местному колхозу и составлявших около трети всех его угодий. Для мусульманской общины рост ее харима в 1/2 раза²⁹ компенсировал даже уничтожение мечетных *вакфов*.

Переход власти в сельской общине к ее национальным мусульманским лидерам был закономерен в условиях советской трансформации этнического самосознания багулал. Консолидация этого небольшого горского народа с аварцами вопреки ожиданиям советских руководителей привела не к ассимиляции, а к гораздо более сложному изменению культуры жителей багулальских сел. Опросы хуштадинцев обнаружили, что в своем селении они ощущают себя багулалами, за его пределами – аварцами. Мусульманский джамаат родного села стал для хуштадинцев олицетворением единства и многообразия огромной аварской общины Дагестана³⁰.

Такое изменение этнического самосознания багулал в значительной мере вызвано тем, что джамаат остался для них главным посредником при ставших регулярными связях с равнинным Дагестаном. Сегодня Хуштада подобно сотням других горных селений, не может прожить без регулярного оттока части своего населения на равнину. В послевоенные десятилетия советские руководители Дагестана неизменно проводили политику трудоустройства горцев на равнине. Вместе с тем в 50–60-е годы, после отмены сталинской паспортной системы, возродилось стихийное сезонное отходничество горцев.

Все это привело к тому, что к 70–90-м годам от хуштадинского джамаата отпочковались самостоятельные дочерние общины в Новой Хуштада (349 человек), Махачкале и Хасавюрте (более 700 человек). Несколько хуштадинцев влилось в

общедагестанскую диаспору в Москве и городах центральной России. Постоянные жители Хуштада стали регулярно выезжать на заработки за пределы Нагорного Дагестана. К началу 90-х годов сезонное летне-осеннее отходничество охватывало уже до 40% хуштадинцев, в основном женщин и подростков³¹. С апреля-мая по октябрь они трудятся в колхозах под Ростовом-на-Дону, в Краснодаре, Кабарде, Ставрополье.

* * *

Исламский подъем, охвативший багулал и соседние андо-цезские народности в конце 80-х – 90-е годы, был лишь логическим следствием советской колхозной трансформации горного джамаата, описанной выше. Крушение советско-колхозной системы в 1991–1993 гг. позволило выступить на первый план мусульманским институтам общины.

По всему северо-западному Дагестану открылись сотни мечетей. В 1992 г. действующей стала и вторая, малая мечеть Хуштада. В 1993 г. была построена мечеть в Новой Хуштада. Сельские *дибирь* окончательно взяли в свои руки всю полноту власти в большинстве сел Цумадинского района. Подавляющее большинство колхозных земель перешли в положение *харима* сельских администраций. Чисто колхозные владения остались у горцев лишь на равнине, где только хуштадинскому колхозу по-прежнему принадлежит 1937 га пастбищ и пахотных угодий. Однако используются они на правах харима. Мусульманские джамааты дополнительно укрепились благодаря разделу колхозных полей на *мульки* и стихийному возвращению мечетям *вакфных* земель. В Хуштада это случилось в 1993 г.³². Раз в три года вакфы перераспределяют между хуштадинцами. Последний раз это произошло в марте 1999 г., когда было роздано более 100 вакфов.

В 90-е годы вопрос о социальной и религиозной трансформации мусульманской деревни приобрел не только научную, но и практическую актуальность. Восстанавливающееся после распада СССР российское государство пытается опереться на выжившие в период советских репрессий традиционные сельские институты,

возродить крепкую общину для укрепления рушащейся пирамиды власти на местах. Этой цели служат законы “О сельской общине”, “О местном самоуправлении” и “О третейских судах”, проведенные дагестанскими властями в 1995–1996 гг. В этих условиях, на мой взгляд, необходимо учитывать специфику колхозной трансформации крестьянства в разных мусульманских республиках постсоветской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Агларов М.А.* Сельская община Нагорного Дагестана в XVII – начале XIX в. М., 1988.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. V. Этнический состав округа был в действительности еще более сложный, поскольку перепись не выделила еще один одноаульный цезский народ – *гинухцев*.

³ Подсчитано по следующим статистическим материалам: Посемейный список жителей Каратинского наибства Андийского округа за 1886 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 115. Л. 87–123; Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. V; ср. Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. С. 41.

⁴ Посемейный список жителей Каратинского наибства Андийского округа за 1886 г. ЦГА РД. Ф. 21. Оп. 5. Д. 115. Л. 87–90; Полевой материал *В.О. Бобровникова*, собранный в с. Хуштада (1992–1996). А.О. Магомедов, школьный учитель истории из Хуштада, записал современные фамилии потомков рабов: Загъари, Багъовозинари, Къоральари, ПахлагАларари, МахАматАувари, Пирилари. См. *Магомедов А.О.* История багулальского союза сельских общин. Рукопись диплома ДГПИ 1983 г. Л. 21–22.

⁵ Согласно материалам, собранным А.О. Магомедовым, к *анарагзаби* относятся современные хуштадинские семьи Ашаль Чали, Ашаль МахА, Ашаль ХIусен, АлимахАмари, (или Огъди), АшанагАисари, Къородасс Чалари, Гъазимд Гъимерсо, БеценамахАмари, АмирачАларари, Илиясари. См.: *Магомедов А.О.* Указ. соч. Л. 21–22.

⁶ Полевой материал *В.О. Бобровникова*, собранный в с.Хуштада (1992–1996). Записи древнейших хуштадинских адатов показывают, что освобождение рабов-хъузхъул произошло здесь в конце XVIII в. См. Мечетный архив с.Хуштада, Коран, переписанный в 1153/1740–1741 г.

⁷ *Шиллинг Е.М.* Багулалы // *Он же.* Малые народы Дагестана. М., 1993. С. 154–164.

⁸ Шиллинг Е.М. Указ. соч. С. 156; ср. Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки о Дагестане. Махачкала, 1988. С. 71–72; Маршаев Р.Г. Очерки истории лаков // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 91. Л. 96.

⁹ Интересно отметить, что в Нагорном Дагестане известно несколько десятков десятков селений с родовитыми тухумами шамхалов. Основные ареалы их сосредоточения – это аваро-андийские районы Гидатля, Анди, Ботлиха, чамалинских и багвалинских селений. Тухум Шамхал-гъай есть и в близлежащем с с. Хуштада ауле Тлондода. Первым на это явление обратил внимание Р.Г. Маршаев. См. Бутаев Б., Маршаев Р. История лакцев. Махачкала, 1991. С. 56–57. К сожалению в работе Маршаева названия большинства горных селений перепутано.

¹⁰ Обычай эндогамии тухумов и джамаатов Нагорного Дагестана, на мой взгляд, правильнее определять не как нерушимый закон, а как предпочтительную практику брачных отношений или их *habitus*, используя известный термин, предложенный П. Бурдьё. Ср. Аглазов М.А. Указ. соч. С. 115–121; Bourdieu P. *Le sens pratique*. P., 1980.

¹¹ Ср.: Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969. С. 76; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа, X–XX вв. М., 1980. Ч. 3. С. 55. В 1995 г. эта древнейшая для Цумадинского района арабская надпись была впервые эстампирована и сфотографирована мной. См.: Бобровников В.О. Новые эпиграфические материалы по истории ислама в Северо-западном Дагестане // Дагестанский лингвистический сборник. Отв. ред. М.Е. Алексеев. М., 1999. Вып. 6. С. 30–31, 33, 41.

¹² В конце XIX – первой трети XX в. в Хуштада стала одним из центров тарикатов Накшбандия и Кадирия. Как явствует из арабской эпиграфики селения, самыми знаменитыми местными святыми стали глава кадиритов Шапи-Гаджи, его соперник накшбандийский шейх Хусейн и отец последнего Пир-Мухаммед. См.: Бобровников В.О. Хуштадинский зийарат // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энцикл. словарь. М., 1998. Вып. 2. С. 99–100.

¹³ См. “исторические записи” с.Хуштада XIX – 20-х годов XX в., хранящиеся в частных архивах М.-С. Газиева, М. Салманова (Хуштада), С.-Г. Пирмагомедова (Агвали), М.-С. Абакарова (Хасавюрт).

¹⁴ Здание сельской тюрьмы до сих пор сохранилось в центре старого села, на бывшей территории Эли-гъай. Судя по строительной надписи, в последний раз ее отремонтировали в 1321/1903–1904 г.

¹⁵ Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 456; ср. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893, Дагестанская обл., № 208. По подсчетам Г.Д. Даниялова, дорожная сеть Дагестана до конца 20-х годов XX в. связывала всего 1,5% всех населенных пунктов региона. См.: Даниялов Г.Д. Социалистические преобразования в Дагестане (1921–1941). Махачкала, 1960. С. 212, 219.

¹⁶ Народы Кавказа. С. 454; Полевой материал *В.О. Бобровникова*, собранный в с. Хуштада (1992–1998); ЦГА РД. Ф. р-1. Оп. 2. Д. 2054. Л. 196.

¹⁷ Ср. *Агларов М.А.* Указ. соч. С. 59, 64.

¹⁸ Мои информаторы А.А. Закарьяев, М.-С. Газиев (Хуштада), С.-Г. Пирмагомедов (Агвали), М.-С. Абакаров (Хасавюрт). Семья Хусейна сына Пир-Мухаммеда была сослана в Среднюю Азию. О самом шейхе подробнее см.: сноску № 12.

¹⁹ ЦГА РД. Ф. р-127. Оп. 21. Д. 198. Л. 10; РФ ИИЯЛ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 408; Полевой материал *В.О. Бобровникова*, собранный в с. Хуштада (1992–1996). Информаторы: А.А. Закарьяев, М. Абакаров, М. Абдуллаев (Хуштада).

²⁰ ЦГА РД. Ф. р-37. Оп. 22. Д. 244. Л. 16; Информатор А.А. Закарьяев (Хуштада).

²¹ Земельные отчеты на 1 ноября 1937 и на 1 ноября 1945 г. Цумадинского района ДАССР // Архив ЦСУ по Цумадинскому району РД, Агвали. Информаторы: А.А. Закарьяев и А.-М.И. Халиков (Хуштада).

²² Всего в Хуштада погибло несколько тысяч арабских рукописей и книг XVII – начала XX в. из мечетного и частных собраний. Лишь небольшую часть из них удалось сберечь семьям местных мусульманских ученых (*алимов*) М.-С. Абакарова, М.-С. Газиева, С.-Г. Пирмагомедова и М. Салманова.

²³ Полевой материал *В.О. Бобровникова*, собранный в с. Хуштада (1992–1997).

²⁴ Там же; ср. *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 158.

²⁵ Информаторы: И. Ханатов, А.-К. Магомедов (Хуштада); см. также: *Бобровников В.О.* Хуштадинский зийарат. С. 100.

²⁶ Информаторы: М. Абакаров, М. Абдулаев, М. Магомедов, М. Гамзатов (Хуштада), М.-С. Абакаров (Хасавюрт). Ср. *Шиллинг Е.М.* Указ. соч. С. 164. *Бобровников В.О.* Реконструкция этнической истории багулал по данным микротопонимики // Дагестанский лингвистический сборник. Отв. ред. *М.Е. Алексеев*. М., 1996. Вып. 3. С. 8–14.

²⁷ Полевой материал *В.О. Бобровникова*, собранный в с. Хуштада (1992–1997). Интересно отметить, что такое же смешивание сферы действия и норм обычного и религиозного права я наблюдал в ходе опросов жителей других горных сел Цумадинского и Рутульского районов.

²⁸ Мой полевой материал 1992–1996 гг. позволяет говорить о строгом соблюдении этой нормы мельковой собственности в колхозах Тлондода, Кванада, Тинди, Агвали и других селений Цумадинского района.

²⁹ Земельный отчет на 1 ноября 1990 г. Цумадинского района ДАССР // Архив ЦСУ по Цумадинскому району РД, Агвали.

³⁰ Полевой материал *В.О. Бобровникова*, собранный в с. Хуштада (1992–1996). Подобное изменение этнического самосознания я наблюдал и у представителей других малых горских народов Дагестана – ахвахцев, ботлихцев, чамалинцев, тиндинцев и др. Подробнее об этом см.: *Bobrovnikov, V. Nationalism and Soviet Traditions in the Muslim Villages of Daghestan. Helsinki, WIDER, 1993.*

³¹ Подробнее об этом см.: *Бобровников В.О. Традиции в жизни современных горцев: земля и люди // Азия и Африка сегодня. 1993, № 4.*

³² Земельный баланс Цумадинского района РД по состоянию на 1 января 1999 г. // Архив ЦСУ по Цумадинскому району РД, Агвали.